

**Собрание сочинений и
переводов
адмирала Шишкова. Том 5**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-82
ББК 83
С54

С54 Собрание сочинений и переводов: адмирала Шишкова. Том 5 / – М.: Книга по Требованию, 2020. – 422 с.

ISBN 978-5-519-69044-7

Полное собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова.

ISBN 978-5-519-69044-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

НѢКОТОРЫЯ ЗАМѢЧАНІЯ

*на предполагаемое вновь сочиненіе Россійскаго
Словаря.*

1-е. Имѣющійся нынѣ, сочиненный по словопроизводству, Словарь Россійской Академіи, достоинъ всякаго уваженія и признательности къ трудамъ любителей словесности, составлявшихъ оный. Но во первыхъ Словарь сей былъ первоначальный трудъ Академіи, помышлявшей тогда (какъ и должно было) болѣе о надобности Словаря, нежели о совершенствѣ оного. Во вторыхъ, онъ составленъ въ краткое время, и слѣдовательно съ немалымъ поспѣшеніемъ. Въ третьихъ, послѣ того времени прошло уже около тридцати лѣтъ, и потому новыми, сдѣланными въ сіе время открытіями въ языкѣ, можешь не малое получить приращеніе. По всѣмъ симъ обстоятельствомъ нужно сдѣлать въ немъ многія перемѣны, излишества его сократить, недостапки дополнить, погрѣшности исправить, и словомъ по образцу оного сочинить новый Словарь.

2-е. Вновь составляемый попомъ (еще не совѣмъ окончанный) Словарь Россійской Академіи по буквенному порядку, естъ не иное что, какъ помъже самый Словарь, предѣланный изъ словопроизводнаго въ букварный, и попому сполькоже, какъ и помъ неудовлетворителенъ.

3-е. Имахъ достойно Академіи принять на себя важный трудъ издашь новый Словарь. Я называю *новый* не по печенію времени, но по великости предстоящаго труда; ибо хотя старый Словарь, какъ мы уже сказали, заслуживаетъ всякое уваженіе, и можешь сему новому служишь не малою помощію; однакожь иное основаніе, гораздо обширнѣйшее прежняго; повѣреніе опредѣленія словъ для того, чѣмъ сомнительныя и темныя привесть въ точность и ясность; избраніе лучшихъ примѣровъ и съ лучшимъ разборомъ; разсмотрѣніе корней словъ съ вѣщими и надежнѣйшими способами, то естъ съ помощію всѣхъ Славенскихъ нарѣчій: все сіе, какъ изъ слѣдующихъ спашей яснѣе увидимъ, составишь (не упоминая о прочихъ подробностяхъ и знашномъ присокупленіи словъ) такой трудъ, который по справедливости можешь назваться *новымъ*, и который сверхъ того не на поспѣшности и единовременномъ рѣшеніи, но на должной медлительности и разборѣ дока-

зашельствъ основаніе свое имѣть долженъ.

4-е. Начнемъ сперва разсуждать о языкѣ, дабы попомъ съ лучшимъ соображеніемъ говорить о хранилищѣ онаго, Словарѣ. Что такое Славенскій (или какой иной) языкъ? Что разумѣемъ мы подъ онымъ? Чѣмъ ограничимъ его, или какой кругъ поставимъ ему предѣломъ? Ежели скажемъ: *языкъ состоитъ изъ всѣхъ извѣстныхъ въ немъ словъ*, тогда слѣдуетъ вопросъ: что такое *извѣстныя слова*? кому и какъ *извѣстныя*? Представимъ себѣ самаго ученѣйшаго человека, скажетъ ли онъ, что всѣ слова въ языкѣ ему извѣстны? сего не можетъ быть: онъ даже не знаетъ многихъ словъ употребительныхъ у земледѣльца, кузнеца, плотника, рыболова, ткача, усмаря, каменщика, и проч. и проч. не упоминая о разныхъ другихъ частяхъ, изъ которыхъ каждая составитъ цѣлый Словарь. Какимъ же образомъ все сіе вмѣститъ въ память? А которыхъ словъ я не знаю, тѣ столькоже неизвѣстны мнѣ, какъ и чужія слова, но для сего не называть же мнѣ ихъ чужими и выключить изъ языка. Посему вышесказанное опредѣленіе языку должно переимѣнить въ слѣдующее: *языкъ состоитъ изъ всѣхъ извѣстныхъ словъ, всѣми вообще людьми употребляемыхъ*. Тогда слѣдуетъ опять вопросъ: люди живутъ давно; въ иномъ вѣкѣ употреблялись

слова, которыя нынѣ вышли изъ употребленія. Между тѣмъ слова сіи остались въ книгахъ, кои намъ нужно читашъ, дабы о погдашнихъ временахъ имѣть свѣдѣніе. И такъ, хотя словъ сихъ не употребляемъ мы болѣе, но онѣ Славенскія, наши, и слѣдовательно не лзя ихъ выключить изъ языка. По сему распространенное уже нами опредѣленіе языку надлежитъ еще распроснить: *языкъ состоитъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ словъ, всѣми вообще людьми нынѣ и прежде въ разговорахъ употребляемыхъ и въ книгахъ находимыхъ*. Казалось бы довольно сего опредѣленія; но нѣтъ, оно недостаточно. Толь обширны предѣлы языка! Спросящъ: чтожь еще болѣе? отвѣчаю: во многихъ соснавливающихъ Россію провинціяхъ есть особыя слова; онѣ также входятъ въ предѣлы языка. Но и сего еще мало: Славенскимъ языкомъ говорящъ многіе народы, внѣ Россіи по лицу земли разсѣянные: Иллирійцы, Моравцы, Сербы, Поляки, Богемцы, Краинцы, Венды, и проч. Хотя нарѣчія ихъ различны съ нашимъ, но языкъ у насъ одинъ. Скажущъ: не ужъ ли и ихъ всѣ слова включишь въ предѣлы языка? — безъ сомнѣнія. — Да мы ихъ не разумѣемъ? — Это не мѣшаетъ. Мы и своихъ многихъ словъ не разумѣемъ; но я уже выше говорилъ, что не лзя слово языкъ опредѣлять только тѣми

словами, которые мы разумѣмъ. Напримеръ никто изъ насъ не говоритъ нынѣ *северка*, а потому никто и не знаетъ сего слова, вѣсто котораго употребляемъ мы слово *бѣлка* или *векша*; но Полякъ и по сіе время говоритъ *северка*. Скажутъ: что намъ нужды до Поляка? — Нѣтъ! есть нужда. Мы находимъ слово сіе въ Несторѣ. Не ужъ ли и до Нестора нужды нѣтъ? Но такимъ образомъ и ни до чего, кромѣ ушнаго употребленія языка, то есть однихъ пріятельскихъ разговоровъ, нужды не будетъ. Въ такомъ случаѣ правы тѣ, которые говорятъ: *нашъ языкъ Руской, а не Славенской*; ибо они подъ словомъ *языкъ* ничего иного не разумѣютъ, какъ только *приобрѣтенный слухомъ навыкъ*. Велише имъ сказать, что такое разумѣютъ они подъ именемъ *языка*, вы увидите, что они другаго опредѣленія сдѣлать не могутъ. — Но обратимся къ нашимъ разсужденіямъ. Скажутъ: да въ другихъ нарѣчіяхъ совсѣмъ не тѣ слова, а ежели и тѣ, такъ иначе произносятся? — Правда; но и это не мѣшаетъ: мужики наши многія слова различно съ нами произносятъ, однако не лъзя же сказать, что они говорятъ не по Руски или не по Славенски: по Славенски, но по мужицки. Такъ и шутъ: по Славенски, но по Сербски, Польски, Вендски, и проч.; ибо различіе въ нарѣчіи,

а не въ языкѣ. Богемецъ дорожку или спешу, по копорой ходящъ пѣшкомъ называетъ пѣшникомѣ (peznik), жаркое петениною (pezhenina), деревенскаго жителя весникомѣ (wesnik), молнію блискомѣ (blisk). Мы не употребляемъ сихъ словъ, и для того въ разговорахъ не скоро ихъ поймемъ; но вникая и разсуждая можемъ ли отъ нихъ отречься и назвать ихъ не Славенскими, или не принадлежащими къ нашему языку? Какъ? развѣ мы не имѣемъ словъ пѣшѣ, печь, весь, блескъ? развѣ вышесказанныя слова не отъ сихъ произведены? не только отъ сихъ, но и почто такимъ образомъ, какъ мы производимъ. По чему жъ пустынный (отъ пущыня) Славенское, а весьникѣ (отъ весь) не Славенское? почему жаркое (отъ жарить) Славенское; а петенина (отъ печь) не Славенское? навыкъ мой и слухъ могушъ прошивъ сего спорить, но умъ и разсудокъ никогда. Ипакъ слово Славенскій языкѣ я смѣло прозираю на всѣ его нарѣчія, и сіе необходимо нужно мнѣ для опредѣленія словъ, для отысканія корней ихъ и обогащенія собственнаго моего нарѣчія, то есть Рускому Рускаго, Поляку Польскаго, и шакъ далѣе. Ибо, напримѣръ, Богемецъ скажетъ пословицу: *сѣмъ hrnekъ pawvre, тѣмъ zapacha*. Я сперва сихъ словъ не разумѣю; но вникая нахожу, что онѣ всѣ Славенскія: *сѣмъ* (чѣмъ) *hrnekъ*

(горшекъ) *паше* (накипѣлъ), *ѣм* (шѣмъ) *зара-
ша* (пахнешь). Запрудняешь меня одно поль-
ко слово *паше*. Но развѣ не имѣемъ мы пред-
лога *на* и глагола *вреть* (море врѣшъ, ш. е.
кипишь)? Трудно ли же мнѣ узнать, что
значишь *навре* или *наврелъ*, какъ скоро я
знаю свой языкъ? Положимъ, что слово *сіе*
не нужно мнѣ для употребленія въ моемъ
нарѣчїи; но ошличное опъ моего составле-
ніе словъ въ другихъ нарѣчїяхъ нужно мнѣ
для того, чѣмъ зналъ я родство и произ-
водство словъ. Я тогда яснѣе увижу, что
опъ *врѣю* или *варѣю* произошли *варю*, *варѣ*;
опъ *врѣти*, вариши; опъ *врѣніе*, вареніе, и
проч. Сіе открываетъ мнѣ языкъ мой и на-
учаетъ познавать разумъ словъ, мною упо-
требляемыхъ. Я говорю *куга* (и не знаю
откуда сіе слово), Богемецъ говоритъ *кулга*
(курса). Отсюда вижу я, что въ моемъ словѣ
буква *л* упростилась, и опъ того производ-
ство онаго опъ слова *кула* закрылось; рав-
нымъ образомъ и въ уменьшительномъ изъ
кулотка сократилось оно въ *кутка*. Я не
спану переимѣнять освященныхъ употреб-
леніемъ словъ моихъ *куга* и *кутка*; но до-
вольно для меня, что узнаю смыслъ ихъ;
увижу начало, опноу онѣ происходятъ. Не
ужь ли сіе не нужно? такъ и никакія науки
не нужны, ибо всѣ онѣ основаны на причи-
нахъ и доказательствахъ. Проспрѣмъ еще

далѣе разсужденія наши. Въ языкѣ могутъ отыскиваться слова, которыхъ нѣтъ въ немъ. Сіе предложеніе покажется пропало-рѣчащимъ самому себѣ, однакожъ оно не меньше справедливо. Соберемъ всѣ наши старинныя книги, мы найдемъ въ нихъ множество словъ, которыхъ знаменованіе сдѣлалось уже намъ неизвѣстно, и чѣмъ сіи книги старѣе, тѣмъ больше содержатъ въ себѣ таковыхъ словъ. Слѣдовательно ежели бы сіи книги отъ начала языка спали писаться, и всѣ непогибельно до насъ дошли, то бы сихъ словъ было еще несравненно болѣе. Отсюда явствуетъ, что были въ языкѣ такіа слова, которыхъ нынѣ во всей памяти людской и во всѣхъ извѣстныхъ книгахъ не находится болѣе. Спросятъ: но какая же нужда разсуждать о такихъ мнимыхъ словахъ, которыхъ, есѣли когда нибудь и были, то уже теперь исчезли и никто ихъ не знаетъ? Отвѣчаю: нужда состоитъ въ доказательствѣ, что случай сей не только возможенъ, но и долженствуетъ непременно быть, по причинѣ примѣчаемаго въ старинныхъ книгахъ вѣщанія и наконецъ исчезанія словъ. А когда сіе доказано, тогда выходишь изъ того другое разсужденіе: во первыхъ нѣкоторые изъ сихъ словъ могутъ къ обогащенію языка возвратиться въ оный: глаголы *рокопать*, *ши-*

ряться, нынѣ иногда весьма хорошо употребляемые, до появленія Игровой пѣсни не существовали въ языкѣ. Во, вѣпорыхъ, слова, подобно корню дерева, пускають отъ себя сѣбѣль и вѣшви. Часто вѣшви цѣвѣшупъ, когда корень давно уже исчезъ. Слѣдовашельно по вѣшвямъ можемъ мы иногда добратъся до корня, и такъ сказать извлечь его изъ небытія, и возвратишь въ языкъ, копорому онъ нуженъ, поелику вѣшви безъ него не показывають своего начала. Докажемъ сіе примѣромъ: мы имѣемъ слово *толорище*; что оно значишь? — дерево или рукоятка, на копорую насаживаешся попоръ. — Откуда оно происходишь? — отъ слова *толорѣ*, съ прибавленіемъ къ нему окончанія *ище*. — Хорошо! но мы имѣемъ также слово *ратовище*, въ копоромъ *овище* есть окончаніе. По опнятіи сего окончанія остаешся слово *ратѣ*; что оно значишь? — ничего, поелику слова сего нѣтъ въ нашемъ языкѣ. — Согласенъ; но что значишь *ратовище*? — древко съ насажденнымъ на него желѣзнымъ остріемъ или копіемъ. — Когда такъ, то я заключаю, что слово *ратѣ* было въ языкѣ нашемъ и значило *остріе* или *копіе*, и что отшуда произошли слова *ратовище*, *ратовать*, *ратникѣ*, *ратъ*, и проч., ибо сдѣлалъсѣ слову *ратовище* безъ слова *ратѣ* есть тоже, какъ бы сдѣлалъсѣ словамъ *то-*

порище, рукавица, конюшня безъ словъ толорѣ, рука, конь, чего не возможно. Повѣримъ себя; поищемъ въ другихъ Славенскихъ нарѣчїяхъ, не найдемъ ли сего слова, у насъ можешь быть пропавшаго, а у нихъ сохранившагося. Въ Словарѣ Иллирійскаго нарѣчїя съ Лашинскимъ языкомъ находимъ мы слѣдующее: „РАТ; asumen, cuspis, spiculum.“ Но Иллирійскій языкъ есть нашъ Славянскій. Ипакъ ясное доказательство, что оно и въ нашемъ нарѣчїи быть долженствовало; но когда слово *коліе* заступило мѣсто онаго, тогда оно въ корнѣ утратилось, а въ вѣшьяхъ сохранилось. Ипакъ возвращеніе его въ языкъ есть совершенное возвращеніе опца къ дѣшамъ. Оно можешь быть покажешь намъ семейство словъ, которыхъ, безъ него, никакъ не могли бы мы причислять къ одному и тому же семейству. Между тѣмъ словопроизводный Словарь что иное есть, какъ не собраніе сихъ семействъ, тѣмъ больше исправленное и совершенное, чѣмъ извѣстнѣе корни словъ, и напротивъ тѣмъ больше неисправное и погрѣшительное, чѣмъ меньше оныя извѣстны? Мы привели здѣсь одинъ только, или малое число примѣровъ, которыхъ можно показать множество; но и сихъ уже довольно, дабы почувствовать, коль великую пользу приносимъ намъ опредѣленіе и принятіе языка